ПОДГОТОВКА МАТЕРИАЛА К ПЕЧАТИ И ПЕРЕВОД — ПИСАТЕЛЯ ИМАНУИЛА ЛЕВИНА.

МАЛЕНЬКАЯ СКРИПКА — БОЛЬШОЙ КЛОУН

ПРОДОЛЖЕНИЕ. НАЧАЛО В №№ 19 и 20.

ИЗ ПАРИЖА В БУЭНОС-АЙРЕС

Целый год мы гастролировали по Европе с цирком Шмидта. Но осенью 1904 года он его продал и вскоре умер.

Работая вместе с Бриком, мы медленно, но верно завоевывали репутацию одних из лучших клоунов. Ангажемент следовал один за другим, и один лестнее другого. Я уже славился как лучший музыкальный эксцентрик-прыгун.

Наконец, нас пригласили в парижский цирк Медрано. В те времена это считалось вершиной славы — выступать у Медрано. После выступлений в Париже мы с Бриком были, что называется, нарасхват. За короткое время мы побывали в крупнейших городах Франции, Бельгии, Италии, Тунисе и Испании. В феврале 1906 года мы получили приглашение в цирк св. Мартина в Буэнос-Айресе и выехали туда на трансатлантическом теплоходе «Италия».

Об одном любопытном событии во время этой поездки я должен рассказать подробнее.

В пути случилась поломка в машине, и лайнер зашел в порт какого-то острова. Населяли его темнокожие туземцы, которые, конечно, никогда до этого не видели ни одного артиста, не говоря уже о клоунах. И мы с Бриком решили проверить на этих неискушенных в искусстве людях свой репертуар. Такого зрителя мы больше никогда иметь не будем.

И вот вечером мы собрали на поляне массу местных жителей и дали для них настоящее представление. Естественно, совершенно бесплатное. Результат был совершенно неожиданным. Все, что мы разыгрывали, наши зрители понимали всерьез. Так, когда мой партнер начинал меня ругать за неуклюжесть и неповоротливость, зрители возгласами выражали осуждение обидчику. Но вот Брик дал мне подзатыльник, от «удара» я полетел кубарем, и тут среди зрителей раздались крики, женщины заплакали, а многие мужчины с воинственным видом поднялись с земли... Мы вынуждены были прекратить представление. Лишь постепенно зрители приходили в себя, но на Брика они продолжали смотреть строго и осуждающе. Мне же в качестве утешения подносили жареное мясо, фрукты и все это складывали к моим ногам. Жестами они дали мне понять, что если я захочу отомстить обидчику, то они будут все на моей стороне. Чтобы как-то отблагодарить моих заступников, я погрозил в сторону Брика кулаком. И все туземцы, как один, повторили мой жест.

На следующее утро мы продолжали путь и через две недели прибыли в Буэнос-Айрес.

В ПАРЕ С АНТОНЕТОМ

Именно здесь я познакомился и подружился с Антонетом, ставшим затем моим самым лучшим в жизни партнером. Произошло это так.

В цирке св. Мартина к нашему приезду работало две пары клоунов «Палисс» и Церато» и «Антонет и Вальтер». Первая пара принадлежала к разряду выдающихся мастеров и я, впервые увидев их на манеже (они работали в первом отделении), пришел в восторг. Зрители награждали клоунов громом аплодисментов.

Но вот во втором отделении вышел Антонет со своим партнером, и я понял, что этот номер на две головы выше предыдущего. За той сказочной легкостью и блеском (они резвились на манеже как дети), которые демонстрировали артисты, угадывался огромный труд и высочайшее мастерство.

После представления я зашел в гардеробную к Антонету, чтобы выразить ему свое восхищение. Так началось наше знакомство. Вскоре Антонет, который был одновременно и режиссером программы, предложил мне поработать на манеже Августом (традиционная фигура в немецком цирке, нечто среднее между нашим рыжим и Иванушкой-дурачком). Кроме меня, в программе было еще два Августа, но мне повезло, так как оба они не отличались ни оригинальностью, ни мастерством.

Мой Август, кажется, впервые на манеже был музыкален. После каждого выступления я выходил с новым инструментом и, кроме того, делал забавные акробатические трюки. Мой успех был настолько большим, что два моих соперника поклялись физически расправиться со мной. К счастью, свой замысел им не удалось скрыть, и они вскоре исчезли с моего горизонта.

Антонет внимательно присматривался ко мне и однажды, пригласив в кафе, предложил стать его партнером. С Вальтером он последнее время работал уже с трудом — они были разные люди. Надо сказать, и у меня с Бриком в ту пору назревал конфликт. Он начался по причинам, от нас не зависящим. Вначале я на арене подвернул ногу, и восемь дней мы не выступали. Не успел я поправиться, как при неудачном прыжке из трамвая сломал лодыжку и четыре недели пролежал в постели. Едва мы вновь стали работать, как Брик упал во время номера с лестницы и с сотрясением мозга три недели пролежал в больнице.

А когда мы не работали, то, естественно, не получали и жалованья. Брик страшно тяжело переносил безденежье и поэтому, выйдя из больницы, был в мрачном настроении. Из-за пустяков между нами начинали возникать ссоры, перераставшие в скандалы. Однажды Брик позволил во время такой бессмысленной ссоры ударить меня по лицу. И это было концом. Надо мной могла смеяться публика, но партнер — никогда!

Так распался дуэт Брик и Грок. Вместо него родился новый — Антонет и Грок (настоящая фамилия его Умберто Квилауне, родом из старинной итальянской клоунской династии»). Человек, в которого я был буквально влюблен, был моим идеалом циркового артиста. В работе он не знал усталости. Наши занятия мы прерывали лишь для того, чтобы поесть. Спали мы самое большее пять — шесть часов в сутки. Он был неисчерпаем на идеи, каждую из которых он стремился довести до совершенства.

Только работая с ним, я познал, что такое высший класс актера манежа. Он говорил, что чуть заметный жест рукой, еле уловимое изменение мимики, но в нужный момент и нужном месте дает гораздо больший эффект, чем броская жестикуляция или форсирование звука. Антонет никогда не полагался на случай, а выверял и отрабатывал все до малейшей детали. «Лучшее — всегда враг хорошего», — повторял он.

Мы долго с ним искали внешний образ для меня. Все, что нам приходило в голову и в отношении маски и в отношении костюма, было либо не оригинальным, либо не смешным. Наконец, мы пришли к тому костюму и маске, которые теперь известны всем. Необычность прежде всего в огромной лысине, обрамленной пучками волос, широком балахоне и кургузом сюртучке — все это было в мировой клоунской практике впервые.

БОЙ БЫКОВ, КОТОРОГО ЕЩЕ НЕ БЫЛО

Первое наше совместное выступление состоялось в Испании. Мы не случайно выбрали именно эту страну. Подобно тому, как Италия страна певцов, Испания — страна комедиантов. Публика там избалована и предъявляет к клоунам самые высокие требования. Клоун, который нравился испанцам, нравился и всему миру. За исключением, пожалуй, Америки, где у публики несколько иной вкус.

Мое первое же появление на манеже с лысиной и веселой поросячьей физиономией было неожиданным для публики и вызвало бурю аплодисментов.

Успех нарастал от номера к номеру, и потом случилось то, о чем я мечтал лишь во сне. Овация! Публика вскочила с мест. Несколько минут мы должны были стоять и кланяться!

Испания страна горячая — не только в отношении реакции публики, но в прямом смысле. А самый жаркий город, вероятно, Эстремадура. Летом после полудня на улицах не видно ни человека. Жизнь начинается вечером, после захода солнца. Цирк, в котором мы работали с Антонетом, начинал свои представления в одиннадцать часов вечера. Только бой быков проходил днем, и испанцы потели с удовольствием. Бой быков — это всеобщая радость, а тореадоры — национальные герои.

После одного такого боя Антонету пришла в голову идея организовать потешный бой быков, в котором он будет тореро, а я в роли глупого Августа. Идея пришлась и мне по душе. Шутка ли — выступать перед двадцатью пятью тысячами зрителей!

Однако, директор цирка, услышав об этом предложении, схватился за голову:

— Вы с ума сошли, — застонал он, — вы задумали национальный вид спорта превратить в идиотский клоунский номер. Это невозможно, вас забросают гнилыми апельсинами, если просто-напросто не прибьют!

Однако мы не оставили эту идею. Посоветовавшись с нашими испанскими друзьями, мы уяснили главное — любимые публикой клоуны могут позволить себе все. Лишь бы это было по-настоящему смешно.

И вот на улицах Эстремадуры появились грандиозные плакаты (их мы развешивали с Антонетом собственноручно, наряженные в клоунские костюмы) следующего содержания:

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!
ОСЛИНЫЕ ГОНКИ,
прыжки в мешках для детей от шести до шестидесяти лет, лотерея, с главным выигрышем — свиньей весом в три килограмма, а также бой с двумя быками, из которых один будет убит. Тореадоры — Антонет и Грок.

Бой был назначен на воскресенье, но уже с пятницы в Эстремадуре только и было разговоров о предстоящей корриде.

К двум часам дня весь стадион был забит до отказа. Присутствовала вся знать города во главе с алькальдом и президентом суда.

Ровно в два часа начался торжественный церемониал. Антонет выехал на осле, одетый наполовину как тореадор, наполовину как клоун. Я ехал следом верхом на черном борове, только задом наперед и держась за хвост. Шествие замыкала «конница» — наши помощники верхом на картонных конях. Успех был полный и сразу же на арену полетели первые золотые монеты, сигары и шляпы.

О первой части программы я долго говорить не буду. Все шло, как и было запланировано.

Потом раздался тревожный бой барабанов. Антонет и я, как его помощник, выходили на смертельную схватку с быками. Причем я играл трусливого человека, все время прячущегося за широкой спиной партнера.

Алькальд по традиции дал сигнал к началу боя, бросив на арену ключ от ворот, через которые должен был выйти бык.

Но вот бык на манеже. Он сделал несколько шагов и, наклонив голову с крутыми рогами, пошел прямо на нас. Испуг, который я раньше изображал, теперь стал настоящим. Наверное, каждый из вас хоть раз в жизни переживал момент, когда на вас движется огромное животное, в глазах которого вы не можете прочитать ничего приятного. Я даже спрятался за спину Антонета, который в молодости одно время был тореро. Не дойдя трех шагов до нас, бык остановился, как будто врос в землю. Потом он, глядя на нас, облизнулся красным языком.

И тут я вдруг преодолел страх. Стоящий бык — это не бык наступающий. В гриву у него по традиции была вплетена роза. Перед тореро стоит задача как можно элегантнее снять цветок. Я сделал знак Антонету, что эту функцию беру на себя. И я сделал это, но по-клоунски. Сначала я осторожно обошел быка, мимикой и жестами как бы выпрашивая у него розу, потом я тихо похлопал его по крупу и встал на колени, как Ромео перед Джульеттой. Бык вел себя так, как будто меня вовсе и не было. Тогда, разозлившись, я изо всей силы дернул его за хвост, как бы затягивая обратно в стойло. Но бык даже не пошевелился. Тут я, осмелев, приблизился к его рогам и небрежным жестом вынув розу из гривы, вдел себе в петлицу. Зрители весело смелись, но испанцы хотели видеть настоящий бой, хотя бы комический.

Антонет стал размахивать перед носом зверя красным платком, а я тем временем тянул его за хвост. Бык — ноль внимания. Он был спокоен и холоден. Лишь когда я изо всех сил резко дернул его за хвост, бык внезапно рванулся, да с такой силой, что я потерял равновесие и шлепнулся о землю. Правда, падая, я успел сделать сальто, чем заслужил гул одобрения публики. А бык все набирал и набирал скорость, его теперь уже нельзя было остановить. Наше счастье, что бегал он бесцельно, как будто его укусил тарантул, и я, воспользовавшись этим, бежал вслед за ним, норовя ухватить за хвост, кувыркался, словом, чувствовал себя с быком так, как будто он был моим давнишним партнером.

Публика веселилась как могла, так как подобный бой быков видела впервые. В конце этого поединка Антонет воткнул две бандерильи в загривок животного, и помощники увели его в загон.

Теперь вышел второй бык, с которым мы должны были драться, согласно обещанию в афишах, не на жизнь, а на смерть. Этот зверь выглядел совсем иначе. Два дня его держали взаперти, чтобы он налился злостью. Я же, удачно пошутив с первым быком, к несчастью потерял способность трезво оценивать обстановку. Мне казалось, что и с этой тварью мы расправимся шутя. А между тем бык свирепо хрипел и поводил кроваво-красными глазами. Сделав несколько шагов, он, как и его предшественник, остановился.

Я в это время должен был отдышаться, так как игра с первым быком отняла много сил. Мокрый костюм облегал меня, как купальник, пот стекал с лица, а рукава напоминали губки, вынутые из воды.

Один из секретов корриды состоит в том, что бык, как бы разъярен ни был, непременно останавливается перед тореро, если тот стоит, не шелохнувшись. Бык принимает его тогда за дерево или столб, о который он может ломать рога. Главная задача — не дрогнуть ни одним мускулом, иначе все пропало, зверь пропорет тебя или поднимет на рога.

В сегодняшнем спектакле я сам должен был применить этот прием. Задача, сами понимаете, не из простых, но отступать было нельзя. Единственное, что я четко понимал, что если я дрогну, то спасти меня могут только ноги.

Трижды я изображал дерево, и трижды разъяренный бык останавливался в двух шагах от меня, дыша горячим паром прямо в лицо. Антонет тут же красным платком отвлекал его в сторону, и все начиналось сначала. В конце концов мне это надоело, потом где-то подспудно меня стала оскорблять мысль, что бык принимает меня, знаменитого Грока, за какое-то стоящее бревно. Только глупый деревенский бычок может так подумать.

И в то время, как Антонет отвлекал быка на себя, я начал бегать за животным и хватать его за хвост. Этого с гордым животным еще никто не делал. Он затормозил так неожиданно, что я чуть не налетел на него с размаху, но в последний момент прыгнул и вскочил ему на спину.

Зрители чуть не сошли с ума от восторга! Но и бык, кажется, взбесился! Он проскакал галопом и, конечно, тут же сбросил меня на землю. К счастью, я мгновенно вскочил, так как бык уже развернулся и, нагнув мощную голову, мчался прямо на меня. Антонет напрасно старался красным платком увести быка в сторону. У животного была только одна цель — это я. Слава богу, я был недалеко от барьера и если бы на стадионе были судьи с секундомерами, то они наверняка зафиксировали бы мировой рекорд по бегу. В тот момент, когда я, подпрыгнув, переваливал через барьер, я почувствовал сильный удар чем-то острым пониже спины. Бык все-таки успел меня достать.

Я сомневаюсь, что какой-либо тореадор вызывал такое ликование публики, как я своим прыжком. Люди буквально валились от хохота, держались за животы, смеялись до слез. Потрогав рукой штаны, я обнаружил сзади огромную дыру. Но мне уже было все равно, я решил во что бы то ни стало рассчитаться с глупым животным. И я вновь выскочил на арену, придерживая рукой разорванную штанину. В это время бык как раз был занят Антонетом и не заметил, как я пробирался к нему.

Бой шел к концу. Бык заметно устал. Согласно традиции, Антонет остановился перед ложей алькальда и попросил разрешения убить быка. Разрешение было получено, и Антонет тут же ловко прикончил животное. Да, мастерство есть мастерство!

И тут на стадионе словно выпустили черта. В Испании есть обычай, если зрители остались довольны боем, то они бросают на арену все, что хотят, — сигары, шляпы, деньги, наполненные вином меха... Град подарков завалил арену. Одними деньгами мы заполнили три большие корзины. В них было около 10 тысяч песет.

Наш обратный путь в отель напоминал триумфальное шествие. Впереди шесть полицейских несли корзины с деньгами и подарками, за ними толпа поклонников несла нас на руках, а сзади море людей. До поздней ночи под нашими окнами шло гулянье. Люди вспоминали подробности необычайной корриды, смеялись и кричали — ура!

Однако больше никогда в жизни боя с быками мы не устраивали. Чудеса случаются лишь один раз. И судьбу мы испытывать были не намерены.

(Окончание следует).